

—А ещё весь февраль, точнее, с 1-го февраля по 7-е марта я писал опус в общей тетрадке, сохранившейся до сих пор, в котором пытался построить, свою мировоззренческую картину, то есть философию, объясняющую поведение человека и общества, их цели и способы их достижения. Ни больше, ни меньше, да ещё в математическом оформлении.

—Почему я вдруг решил этим заняться?

—Самый простой ответ - захотелось.

—А почему захотелось?

—Если попробовать объяснить, то получится примерно следующее. За пять-семь лет до этого в наших дискуссиях со Славиком, Юрой, Виталькой формировалась политическая часть нашего мировоззрения. В чём был не прав Маркс, интеллигенция как передовой класс, демократия, свобода слова и печати - вот проблемы, которые волновали нас прежде всего, и которые для себя мы в конце концов решили. В том смысле, что уяснили, что такое хорошо, а что такое плохо в той или иной политической системе, в чём пороки нашего общества и каковы объективные тенденции общественного политического развития с позиций требований экономики.

—Оставалось неясным, чем мы, как понимающие всё личности, можем повлиять на общественное развитие в нужную сторону?

—Встать на открытую борьбу со строем, то есть вступить в ряды диссидентов?

—Бесполезно. Раздавят как клопов.

—Надо быть людьми известными, как Солженицын или Сахаров, чтобы надеяться хоть на какой-нибудь эффект. Да и им много ли удалось? Озлобили только власти, и те ещё сильнее закрутили гайки.

—Вести агитацию и пропаганду среди друзей и знакомых?

—Разумеется. Я этим всё время занимался и многих убедил в правоте своих взглядов. Но что из этого? Всё это понимание не давало никаких практических результатов в том смысле, что общественная жизнь от нашего понимания никак не менялась. Да и так ли уж всё нам понятно?

—Не одной же политикой исчерпывается жизнь. Если мы не видим толку от своей "политической грамотности", значит, мы ещё не вполне грамотны в более широком смысле. Значит, надо думать дальше, чтобы сознательно определить своё место и цели в жизни. Но чтобы найти это своё место и свою цель, надо понять всё и о местах и целях других людей.

—А просто сугубо личные проблемы? Существует ли общая теория их решения? Как связаны они с проблемами общественными?

—Почему-то этим вопросам мы мало уделяли внимания в те времена наших бурных дискуссий. Физика и политика доминировали в наших беседах. Вопросы политики отодвигали все другие на второй-третий план. Это отталкивало от нас в какой-то степени Димулю, упрекавшего нас в полнейшем абстрагировании от вопросов первопричин бытия и от сугубо личностных проблем, в игнорировании вопросов этики (морали, нравственности), искусства, религии и т.д., и т.п.

—Но в последний период наших более или менее регулярных встреч, то есть два-три года назад, меня всё чаще тянуло отойти от сугубо политической тематики, тем более что крах всех оптимистических прогнозов Юры Мальцева в отношении событий в Чехословакии косвенно указывал на слабости или, во всяком случае, упрощённость и нашего политического мировоззрения.

—Как и каждому, наверное, человеку, мне приходилось слышать упрёки от других: - "Эгоист!" В детстве - от мамы, в школе - от учителей, иногда (но редко) - от Сашули, ещё реже - от друзей, но и от Славы, впрочем, тоже. Эти упрёки, однако, меня мало смущали. Прочитав "Словарь сатаны" Амброза Бирса, я стал отшучиваться цитатой оттуда, которая

мне понравилась: "Эгоист. Человек дурного тона, больше интересующийся собой, чем мной". Мне казалось естественным для каждого считать себя центром мира, пупом Земли, и заботиться прежде всего о себе. Нельзя лишь забывать, что и другие так же считают относительно себя, и это надо учитывать, чтобы самому себе не навредить.

— Эгоизм, учитывающий эгоизм других, - разумный эгоизм, и он естественен для человека, - рассудил я. Разумеется, я знал, что мысль эта не нова: Писарев, Чернышевский, мой любимый в школе Базаров, хотя Писарева я вовсе не читал, а к Чернышевскому относился скептически, хотя, быть может, и несправедливо. Но для меня было и неважно, что они там писали о разумном эгоизме. Мысль проста, понятна и верна, и содержит в себе все правила жизни.

— Но что такое разумный эгоизм, как его отличить от неразумного? - с ехидцей вопрошал Юра Мальцев. На такой вопрос можно было ответить в каком-нибудь конкретном случае, но трудно - вообще. А потом мы окончательно разъехались, встречаться стали очень редко, переписываться ленились. Моя тяга к обсуждениям, спорам не находила выхода в общении ни со старыми ладушкинскими, ни с новыми калининградскими друзьями. В разговорах их трудно было вывести за рамки текущих событий, непосредственно нас касающихся. Абстракции утомляли и вгоняли их в скуку.

— И я попробовал беседовать сам с собой на бумаге, чтобы навести какой-то порядок, стройность в хаотично мелькавших у меня в голове мыслях, соображениях, рассуждениях. Это была вторая "проба пера" после школьного дневника, который я пытался вести в девятом и десятом классах.

[\(продолжение следует\)](#)